

А.Ю. Сеницын

**ИОГАНН АРНОЛЬД ШТУЦЕР:
НОВЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ
О СОБИРАТЕЛЕ ЯПОНСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ
КУНСТКАМЕРЫ XVIII в.**

Среди ранних японских коллекций Кунсткамеры (МАЭ РАН) особое место занимает присланная в 1795 г. от доктора Штуцера на имя императрицы Екатерины II. Эта коллекция, содержащая много интереснейших предметов, продолжает оставаться гордостью музея. Однако информации о самом собирателе ни в музейных документах МАЭ, ни в архивных материалах СПФ АРАН обнаружить не удалось. Была известна только фамилия — Штуцер (Stutzer), а также то, что он служил врачом в Голландской Ост-Индской компании, в 1780-х годах некоторое время жил на о. Дэсима в Нагасаки и участвовал в одном из церемониальных путешествий дэсимских голландцев к эдоскому двору, посетив по дороге Киото, где был свидетелем страшного пожара [Stutzer 1793].

Краткие и не совсем точные сведения о нем приводятся также в книге В. Лагуса «Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка»: «В январе 1795 г. другой шведский путешественник доктор А. Штюцер препроводил свой дневник, веденный во время посещения им Еддо, почти одновременно с пребыванием русского посольства в Мацумаэ и поручил поднести самой императрице коллекцию японских произведений природы» [Лагус 1890: 292–293]. Дается краткая справка о нем (как будет видно ниже, не вполне корректная): «Род. [в] 1763 г. в Стокгольме, доктор мед. в Лейдене, с 1786 г. в голландской службе, сделал из Батавии две поездки в Японию, поселился затем в качестве врача на острове Цейлоне. Об его подарках в Петербург см. N. Act. XIII, 23.25» [Там же: 447].

Однако в последние годы в международном японоведении наметилось значительное увеличение интереса и к персоне доктора Штуцера, и к его коллекциям. Появилось немало ссылок на имя Штуцера и его коллекции как в каталогах и научных изданиях, так и в Интернете. Были обнаружены и частично опубликованы различные архивные документы, проливающие свет на его биографию. Наиболее полные данные были предоставлены профессором университета Кюсю дайгаку Вольфгангом

Михелем и профессором университета Хосэй дайгаку Йозефом Крайнером. Подробная биография Штуцера, составленная В. Михелем (Wolfgang Michel. Johan Arnold Stützer (1763–1821), a Swedish naturalist in the East Indies), будет опубликована в третьем томе научного сборника «Japanese Collections in Europe» (редактор Й. Крайнер) в 2013 г.

Итак, как было установлено профессором Вольфгангом Михелем, Иоганн Арнольд Штуцер (1763–1821) родился в г. Стокгольме 23 февраля 1763 г. и был старшим сыном в семье врача-хирурга Мартина Кристиана Вильгельма Штуцера, переселившегося в Швецию из Пруссии (г. Ориенбург) в 1750-х годах. В 1757 г. Мартин Кристиан Штуцер совершил путешествие в Вест-Индию (Карибский регион), в 1760 г. женился на Анне Марии Соэм (ум. в 1766 г.), дочери врача-хирурга Кристиана Соэма (1694–1775). Таким образом, Иоганн Арнольд Штуцер с раннего детства находился в ученой среде, изучал в школе и дома иностранные языки и с 1766 г. под руководством своего отца — основы медицины. В 1779 г. в возрасте 16 лет поступил в университет в Упсале, где его научным руководителем стал Карл Петер Тунберг (1743–1828), ученик и научный преемник Карла фон Линнея (1707–1778). К.П. Тунберг известен также как выдающийся путешественник и собиратель коллекций, совершивший девятилетнее путешествие по Южной Африке, Южной и Восточной Азии и в 1775–1776 гг. служивший врачом в голландской фактории на острове Дэсима. Тунберг оказал на Штуцера огромное влияние, они постоянно находились в переписке и научном контакте.

После четырех лет учебы в Упсале Штуцер переезжает в Берлин, где продолжает изучать медицину и естественные науки под руководством коллеги Тунберга профессора Теодора Пиля (1749–1794). По просьбе Тунберга и Пиля Штуцер изучает хранившуюся в Берлине коллекцию японских рисунков XVII в., изображавших растения и птиц, изучает их японские названия и всю имеющуюся информацию по этому собранию.

В это же время Карл Тунберг начинает несколько академических издательских проектов, в которых участвуют его ученики, включая Штуцера. Так, Штуцер проявил огромный интерес к докладу Тунберга в Упсале о японских монетах, нелегально вывезенных им (Тунбергом) из Японии. Также Штуцер внимательно изучил и перевел со шведского на немецкий энтомологическую диссертацию Самюэля Николаса Кастрёма, опубликованную впервые в периодическом издании Тунберга «*Novae Species Insectorum*», где уделялось место и описанию насекомых Японии. Примечательно, что в составе его коллекции, хранящейся ныне в МАЭ РАН, есть около сотни макетов японских насекомых, выполнен-

ных в натуральную величину из дерева и бумаги с использованием лака, цветных пигментов и медной проволоки.

В 1784 г. Штуцер переезжает в Амстердам и не без некоторых хлопот поступает на службу в Голландскую Ост-Индскую компанию в качестве старшего врача-хирурга. В июне 1785 г. на корабле «D'Ijstroom» покидает Европу, как оказалось — навсегда. Обогнув Южную Африку, корабль в феврале 1786 г. прибыл в Батавию. Там доктор поступает под начало генерал-губернатора Батавии Виллема Арнольда Алтинга (1724–1800) и командировается в комиссию по исследованию Сиребона (север о. Ява), где собирает большую естественно-научную коллекцию и отправляет ее Тунбергу в Упсалу. Во время этой экспедиции Штуцер пишет рукопись на немецком языке «Журнал поездки в Сиребон и его окрестности» («Journal von die Reise nach Cheribon und den da umliegende Gegenden») [Stützer 1786–1787: 277]. Рукопись эта, по-видимому, написана для Теодора Пиля, но отправлена ему, похоже, так и не была.

В июне 1787 г. Штуцер вместе со своим будущим начальником, новым капитаном фактории на острове Дэсима бароном Иоганном Фредериком ван Риде тот де Паркелером (Johan Frederik van Reede tot de Parkeler; 1757–1802) на борту корабля «Zeeland» отправляется в Японию и прибывает в начале августа в Нагасаки. Однако в должность старшего хирурга вступил лишь в декабре того же года, ибо еще не истек срок полномочий предыдущей «команды» офицеров Компании на Дэсима. В должности младшего хирурга Штуцеру ассистировал Иоганн Август Лот (Johan August Loth). В письмах Тунбергу Штуцер сообщал, что дважды спасал ван Риде от смерти (можно предположить, что вовремя делал кровопускание, чем в то время лечили многие недуги, в том числе тяжелое похмелье; сохранились рисунки нагасацкого художника Кавачара Кэйга, изображавшие голландские застолья на Дэсима и лечение кровопусканием).

Имя Штуцера дважды упоминается в журнале фактории «Deshima Dagregisters»: в первый раз в записи от 31 декабря 1787 г. в связи с официальным запросом, составленным ван Риде на имя губернатора Нагасаки (*Нагасаки бугё*) Сэёси Дзэндзаэмон Тоситака, по поводу разрешения для «врача Штуцера» проводить ботанические исследования в окрестностях города [Viallé, Blussé 1996: 148]. Вторая запись — по поводу официального путешествия в Эдо ко двору 11-го сёгуна *Токугава Иэнари* (1773–1841), предпринятого фон Риде в сопровождении Штуцера и другого офицера Компании — Йонаса Скрибе [Там же: 153]. Путешествие длилось с 21 февраля по 5 июня 1788 г. и было омрачено страшным пожаром в Киото, известным как «великий пожар эры Тэммэй».

Он продолжался три дня, с 6 по 8 марта, и полностью уничтожил город. Голландцы в это время прибыли в Осака. Их посетил хозяин гостиницы Эбия в Киото, где традиционно останавливались голландские миссии на пути в Эдо, и подробно по схеме города описал случившееся несчастье.

Это страшное событие было весьма подробно описано ван Риде в «Deshima Dagregisters»:

«Мы прибыли в Хёго и провели там ночь. По прибытии мне рассказали, что Мияко полностью сгорел несколько дней назад. Вскоре это было подтверждено письмом, что выслал мне хозяин гостиницы, где мы должны были остановиться в Осака; там говорилось об ужаснейшем пожаре. Он написал, что пожар начался 29 *Sёгацу* (т.е. первый день первого месяца по японскому лунному календарю), или 6-го числа этого месяца [марта. — А. С.], в 3 часа ночи в юго-восточной части города в районе реки Годзё. С востока дул очень сильный ветер, и огонь очень быстро перекинулся за реку и мост Годзё-но-хаси, оттуда быстро пошел к западу, вплоть до великих храмов Хигаси-Хонгандзи и Тодзи. Потом ветер переменялся на западный, и центральная часть города превратилась в пепел. Потом ветер опять переменялся на юго-восточный, и выгорело все на северо-западе, включая городской замок и дворцы обоих губернаторов. Затем ветер сменился в третий раз на северо-западный и, быстро набирая силу, стал уничтожать один за другим бесчисленные дворцы; и все, что до сих пор уцелело, включая замок императора и его дворцы, превратилось в руины. Затем пожар опять перекинулся за реку Годзё и учинил еще больше разрушений. Наконец, ужасный пожар завершился 1 *Нигацу* (первый день второго месяца) или 8-го марта — т.е. бушевал более трех дней <...>

Мы прибыли в Осака в 5 часов пополудни. <...> Мне сообщили свежие новости о полном разрушении великого города Мияко. Даже от городского замка осталась только часть внешней стены, от других же зданий не осталось ничего. Огонь уничтожил все рисовые склады, даже те, что считались защищенными от огня.

Когда огонь приблизился ко дворцу, то Дайри, или духовный император, попытался найти убежище в Симогамо, или храме Камо, что находился в 1 миле к северо-востоку. Но плотный дым и куски горящего дерева, что разносил ветер в этом

направлении, заставили его бежать далее на восток, в Сёгоин, что находился в полутора милях за городской чертой, но и там он не чувствовал себя в безопасности и укрылся в храме на высокой горе, называемой Хиэйдзан, в трех милях к северо-востоку от города. Он до сих пор остается там, и оба губернатора Мияко выставили охрану перед воротами. Было спасено столько императорских сокровищ, сколько было возможно, но семь больших хранилищ, наполненных деньгами, раритетами и драгоценными предметами, стали добычей огня.

Голод и страдания, вызванные пожаром, не передаются описанию. Голодная чернь сразу разворовывает и растаскивает рис и продовольствие, что привозят лодки из окрестных районов в помощь этим несчастным. Более того, не осталось ни одного куска дерева или бамбука, чтобы соорудить хижины или навесы, и нет никакого убежища для ночлега. И все выжившие в пожаре люди вынуждены спать под открытым небом, ибо все окрестные храмы заняты императорскими придворными и другими знатными господами.

В течение трех дней, пока бушевал пожар, было страшно даже подойти к городу, ибо, как говорили, сильнейший ветер разносит на большие расстояния и камни, и горящие куски дерева и бамбука. <...>

Мне показали карту Мияко, где были изображены выгоревшая и сохранившаяся части города. Было видно, что от этого великого, красивого, процветающего торгового города с большим населением и четырьмя тысячами улиц, от города, который был центром империи и где жили самые богатые купцы, фактически ничего не осталось, за исключением небольшого числа домов на юго-западной и северо-восточной окраинах. Таким образом, это — небывалое доселе несчастье. Оно в один день сделало нищими огромное количество семей. Число погибших все еще не установлено, ибо все пребывают в полном замешательстве, и никто не знает, где его дорогие и близкие. До сих пор отцы ищут своих сыновей, сыновья — отцов, а матери — своих детей. То, что пожар начался перед самым рассветом, было относительно удачей — начнись он ночью, то, без всякого сомнения, число погибших было бы бесконечно больше.

Неописуемы и утраченные сокровища. Вся торговля и ремесло замерли не только здесь, но даже в Осака ощущаются последствия, и всякий труд был отложен. Эдоский двор был

незамедлительно оповещен с курьером о гибели в пожаре императорского дворца, и был отправлен запрос на оказание помощи. Тем временем в Мияко был издан указ, запрещающий всем строиться или работать на себя до тех пор, пока не будет полностью восстановлен императорский дворец. В Осака также был издан указ, запрещающий продажу или обработку даже самого маленького куска дерева или бамбука, а также позолоты, пока императорский дворец не будет полностью обеспечен всеми материалами и позолотой; и пока все там не будет готово, здесь даже веер никто себе не смеет соорудить. <...>

После полудня пришел [Мотодзиро. — А. С.] хозяин земли, на которой стояла наша гостиница в Мияко, и сказал мне, что, несмотря на сильный дождь, ливший 24 часа без перерыва с 11 по 12 число, тлеющий огонь все еще не был полностью потушен до его вчерашнего отбытия [в Осака. — А. С.]. Его склад сгорел до основания, и он был не в состоянии спасти ни одной вещи. Он также подарил мне карту Мияко, на которой красным было аккуратно отмечено место, откуда пожар начался, и как он распространялся, и как повлияла на это троекратная смена направления ветра, а также то, что сгорело, и то, что уцелело. Это совпадало с той грубой схемой, что была предоставлена мне накануне, только по этой карте выходило, что уцелело одно синтоистское святилище и один буддийский храм к востоку и северо-востоку, что было исключительным случаем.

Он также поведал мне некоторые подробности о пожаре, а именно что Император в третий раз укрылся не на горе Хиэйдзан, а в храме, называемом Сёрэнин-госё, к юго-востоку от Киото, и что он до сих пор находится там. А также о том, что Император ехал в своей карете, запряженной буйволом, сопровождаемый всеми придворными с обнаженными мечами в руках, а также женами и наложницами, также с мечами, но в ножнах. Однако буйвол шел очень медленно, и пламя стало окружать Императора, и он вышел из кареты и далее спасался на своих ногах. Это было первым случаем, когда священная стопа Императора коснулась земли и когда он был под открытым небом. Более того, Его Святейшество, которому обычно каждое рисовое зернышко отбирали и подавали на специальных маленьких палочках, был вынужден в течение двух дней питаться обычным рисом. Также в этих условиях не соблюдалась установившаяся традиция ломать сразу после использования каждое блю-

до, чашу и прочие столовые принадлежности (всегда сделанные из белого дерева), из которых вкушал пищу Император, а также котлы, горшки и прочую кухонную утварь, где эта пища готовилась, — дабы никто не мог бы использовать их еще раз. Все это создавало невыразимый ужас. А страшная гроза и разрывающий душу крик птиц сей ужас усиливали еще более. Огонь, обычно поглощающий только дерево и масло, в этот раз пожирал даже камни и железо, заставляя их взрываться, и казалось, что камни сами превращаются в огненные струи. Так что люди расценили это как страшное и великое предзнаменование небес.

Истинные причины пожара до сих пор не выяснены — одни говорят, что все произошло по неосторожности служанки, заснувшей возле горящей жаровни, другие утверждают, что с неба упали три огненных шара, испускавшие яркий пламень» [Viallé, Blussé 1780–1790: 153–155].

Штуцер почти слово в слово переписал это сообщение по-французски и приложил к своему дару на имя Екатерины II.

Будучи в Эдо, Штуцер имел две знаменательные встречи — с художником и ученым-*рангакуся* Сиба Кокан и ученым Оцука Гэнтаку (1757–1827). Штуцер передал Кокану карту мира, составленную Гильёмом де Листом (1675–1726) и отпечатанную в Амстердаме Яном Ковенсом и Корнелием Мортьером. Пять лет спустя Сиба Кокан изготовил эту карту в виде гравюры с медной пластины, впервые применив эту технику в Японии. Оригинал карты был оправлен Оцука Гэнтаку в виде свитка *какэмоно*, который находился в библиотеке префектуры Мияги в г. Сэндай, но был уничтожен в результате пожара, вызванного американскими бомбардировками в период Второй мировой войны. В том же 1788 г. Штуцер и Сиба Кокан встретились на Дэсима. Известен рисунок Сиба Кокан, запечатлевшего Штуцера на острове Дэсима [Кеепе 1989: 363–364].

Представляется, что в конце 1788 г. Штуцер покинул Японию и вернулся в Батавию. Возможно, он мог посетить Дэсима в следующем году как частное лицо. Далее, разочаровавшись в Голландской Ост-Индской Компании и порвав с мечтами об академической карьере, он перешел на службу в Английскую Ост-Индскую компанию, а также занимался в качестве частного коммерсанта торговлей между голландской и английской частями острова Цейлон.

В этот период он женился на г-же Иоганне Джакобе Лебек, дочери секретаря губернатора Джанапатхама Авраама Лебека. Поддерживал

научные контакты с ее младшим братом Генрихом Юлием Лебеком, помог ему с поступлением в Упсальский университет, где тот стал учеником К. Тунберга. В последующие годы Штуцер вел с Ю. Лебеком и К. Тунбергом научную переписку. Позже Штуцер отослал Ю. Лебеку свои коллекции, часть которых в 1795 г. тот переслал в Санкт-Петербург на имя императрицы Екатерины II. Причины, побудившие Штуцера и Лебека передать предметы именно в Россию, остаются не вполне понятными. Также пока не вполне ясно, сколько предметов было во всей японской коллекции Штуцера, равно как не ясна и судьба предметов, которые тот в Россию не отправлял.

Что касается дальнейшей судьбы самого Иоганна Арнольда Штуцера, он до конца жизни продолжал службу в Джанапатхаме, где продвигался по служебной лестнице Английской Ост-Индской компании, пока не умер в 1821 г. в возрасте 58 лет.

Библиография

Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890.

Keene D. Travelers of a Hundred Ages: The Japanese as Revealed Through 1,000 Years of Diaries. N.Y., 1989.

[*Stutzer I.A.*]. Extrait de mon Diaire tenu sur le voyage pour la Cour, en allant pour Iedo, regardant la grande incendie de Miaco (ai 1793) // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2–1795. Приложения к протоколам заседаний АН за январь 1795 г. Параграф 4. С. 7.

Stützer J.A. 'Journal von die Reise nach Cheribon und den da Umliegende Gegenden', 1786–1787 (Manuscript KITLV, Leiden, H 277).

Viallé C., Blussé L. The Deshima Dagregisters. Their Original Table of Contents. Vol. IX: 1780–1790. Intercontinenta Series, N 20. Leiden, 1996.